

МОДЕРНИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Год экономического кризиса явственно продемонстрировал крайнюю неэффективность утвердившейся в последнее десятилетие общественной конструкции. Все чаще стали говорить о модернизации, способной привести к постиндустриальному обществу. При этом, как правило, внимание концентрируется на необходимости реформ в экономической, политической, социальной и правовой сферах, но практически не затрагивается проблема социокультурных механизмов модернизации. Редко в этом контексте говорится о социокультурной базе общества в самом широком смысле слова, о том человеке, который способен стать субъектом модернизации, и о проблемах в сферах литературы и искусства, воздействие которых на общекультурную среду может как содействовать успеху модернизационных процессов, так и тормозить их и даже блокировать. При этом как самостоятельные возникают темы и постсоциалистического реформирования институтов поддержки творцов, и соотношения модернизационного вектора развития общества и стереотипов коммерческого массового искусства, и многие другие. Часть данных проблем затрагивается в публикациях предложенной рубрики, предполагающей серьезный разговор на эту тему.

Н.М. ПЛИСКЕВИЧ

Тупики инструментальной модернизации

В последнее время в общественно-политической риторике все чаще господствующее место занимает волшебное слово – “модернизация”. Нет сомнения, что от того, удастся ли нам провести подлинную модернизацию, зависит будущее России: займет ли она достойное место в ряду развитых государств мира или превратится в “сырьевой придаток” (в пропагандистском варианте – “энергетическую сверхдержаву”), причем уже даже не Запада, но Востока, прежде всего Китая. Однако то, как трактуется “модернизация” в большинстве выступлений и текстов первых лиц государства и идеологов, их обслуживающих, внушает серьезное опасение: как и прежде, насущные потребности страны осмысливаются исключительно с инструментальных позиций. А такой подход и ранее на нашей памяти (например, с такими лозунгами, как “ускорение”, “перестройка” и т.п.) обычно кончался ничем.

Идеей о жизненной необходимости для России модернизационного рывка пронизана статья Президента РФ Д. Медведева “Россия, вперед!”. Он (как, впрочем, и его предшественники) провозглашает: «В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: “умной” экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности». Для решения этой задачи, по мнению Президента, нужны “пять стратегий лидерства в области высоких технологий”, к которым добавляется тезис о важности развития традиционных отраслей, таких, например, как сельское хозяйство. Речь в статье идет и

Плискевич Наталья Михайловна – заместитель главного редактора журнала “Общественные науки и современность”, старший научный сотрудник Института экономики РАН.

о совершенствовании государственных институтов, и о развитии политической системы и демократии, и о важности гуманистических ценностей [Медведев, 2009, с. 2–3]. Но основной акцент делается на инструментальных и институциональных аспектах модернизации. В Послании Президента Федеральному Собранию 2009 г. эти инструментальные мотивы лишь усилились.

В таком (инструментальном и институциональном) ключе о модернизации у нас говорится давно. При этом за скобками остается важный вопрос: а кто, собственно, будет осуществлять этот модернизационный проект? На это в своем кратком отзыве на статью Медведева с другого полюса нашей общественно-политической жизни попытался ответить М. Ходорковский: "...для осуществления модернизации необходим целый социальный слой – полноценный модернизационный класс... Суммируя и обобщая исторический опыт различных модернизаций, можно утверждать, что численность модернизационного класса должна составлять не менее 3% трудоспособного населения. То есть в нашем случае – не менее 2 млн человек" [Ходорковский, 2009, с. 4].

По Ходорковскому, основу модернизационного класса могут составить: профессиональные инноваторы, ученые и инженеры 1960–1970-х гг. рождения, часть ученых и инженеров, покинувших страну в 1990–2000-х гг., а также молодые специалисты, стоящие сегодня перед выбором – уехать или остаться в России, и широкие слои гуманитарной интеллигенции. Думается, однако, наличие этого тонкого слоя модернизаторов – условие необходимое, но явно недостаточное. По сути, в любом обществе есть до 6% людей, нацеленных на принципиальные изменения и готовых их реализовывать в самых разных областях. Но от того, в какой среде они действуют (не только государственной, но и общественной), зависят удачи или провалы задуманных начинаний.

Сам Ходорковский, отмечая, что "модернизаторами России могут быть люди только созидательного, а не паразитически-распределительного типа мышления", констатирует: "К сожалению, в последние годы элита и властная машина способствовали в основном возвышению последних и удалению первых" [Ходорковский, 2009]. Однако он так и не поставил вопрос: смогут ли даже при наличии политической воли руководства эти "модернизаторы", составляющие 3% трудоспособного населения, реализовать свои проекты в среде, в массе своей минимум – равнодушной, а максимум – просто враждебной по отношению ко всем модернизационным проектам?

Разумеется, качественное изменение ситуации во многом зависит от того, какую политику проводит государство, как оно само формулирует для себя модернизационные цели, какие создает условия для их реализации. От этого во многом зависит и отношение населения к его намерениям. Пока же реальные действия нашего государства не только не вдохновляют население страны на модернизационные прорывы, но напротив, расхолаживают даже тех, кто ранее были сторонниками инноваций.

Так, согласно исследованиям, проведенным под руководством Н. Тихоновой, в последние годы отмечается ослабление отслеживаемых показателей модернизированности степени сознания и поведения разных слоев городского экономически активного населения. Опросы 2006 и 2008 гг. фиксируют, что число "модернистов" сократилось за эти два года даже среди тех, кого в данном исследовании выделили как "ядро среднего класса", то есть как раз той части населения, которая с наибольшей вероятностью могла бы сформировать "основу модернизационного класса" по Ходорковскому. Если в 2006 г. в "ядре среднего класса" были зафиксированы 44%, составлявших "ядро модернистов", и 41% – их периферию, то в 2008 г. эти цифры равнялись, соответственно, 39 и 36% ("ядро" и периферия "традиционалистов" за эти годы выросли с 1 и 14% до 6 и 19%, соответственно). Подобные процессы зафиксированы, причем в больших масштабах, и среди других слоев городского экономически активного населения: здесь "ядро" и периферия "модернистов" составляли 12 и 37% в 2006 г., а в 2008 г. – 9 и 21%. Аналогично, возросло и число "традиционалистов" с 10 и 41%, составлявших их "ядро" и периферию в 2006 г., до 37 и 33% в 2008 г. [Тихонова, Мареева, 2009, с. 265].

Такой разворот общества к традиционалистским ценностям в ущерб модернизаторским, захватывающий, пусть и в существенно меньшей степени, наиболее передовые его слои, в какой-то мере связан с отмеченными как раз в этот период “успехами” в строительстве “вертикали власти”. Правда, то, с какой силой затем ударил по нашей стране экономический кризис, со всей очевидностью продемонстрировало ошибочность выбранной стратегии: падение российского производства оказалось самым глубоким, в сравнении с показателями других стран – просто катастрофическим. Не говоря уже о том, что за все “благополучные” 2000-е гг. в структуре отечественной экономики, при всех разговорах о необходимости инноваций и развития высокотехнологичных производств, с каждым годом все более усиливалась сырьевая ориентация.

Причины сложившейся ситуации, думается, следует искать в сознательно выбранном руководством страны курсе на инструментальную модернизацию в отрыве от модернизации социокультурной. Более того – с опорой на все еще господствующий в отечественной культуре традиционализм. По сути, за образец взяты прежние крупные модернизационные проекты, реализованные в России и в XVIII в. Петром I и в XX в. И. Сталиным. Не случайно последний стал трактоваться как “эффективный менеджер”.

Однако идеологи такого рода модернизации не учитывают, что все эти проекты после короткого и действительно впечатляющего рывка в деле заимствования современных технологий рано или поздно подводили общество к глубокому внутреннему кризису, обусловленному углубляющимся расхождением инструментальных и социокультурных результатов преобразований. Не углубляясь в историю, можно вспомнить лишь о сталинской модернизации, породившей противоречия, которые и стали в конце концов причиной крушения советской системы. А. Вишневский, исследовавший процессы модернизации в СССР, пришел к выводу: “Какую бы составную часть осуществленных перемен мы ни взяли, в каждом случае, после короткого периода успехов модернизационные инструментальные цели вступали в непреодолимое противоречие с консервативными социальными средствами, дальнейшие прогрессивные изменения оказывались блокированными, модернизация оставалась незавершенной, заходила в тупик. В конечном счете, это привело к кризису системы и потребовало ее реформирования” [Вишневский, 1998, с. 418] (см. об этом также [Плискевич, 1999]).

Нельзя не признать: в том, что касается модернизации на этапе индустриализации страны, инструментальные методы на какой-то период вполне могут дать положительный результат (как это было и в СССР в 1930–1950-х гг., как наблюдается и в современном Китае). Более того, присущие ей мобилизационные методы, опирающиеся на такие стереотипы традиционалистской культуры, как, например, государственный патернализм, обостренная самоидентификация людей в ситуации искусственного обострения дилеммы “свой–чужой” и т.п., могут показаться политически более предпочтительными по сравнению с туманными критериями либерального типа, предполагающими постоянную общественную дискуссию по самому широкому кругу вопросов. Не случайно исследования показывают, что авторитарные методы индустриальной модернизации нередко оказываются успешнее демократических, отождествляемых обычно с преобладанием либеральных ценностей.

Однако тут многое зависит от качества институциональной среды: “...в странах с хорошим качеством институтов (низкой коррупцией, высоким уровнем правопорядка и инвестиционного климата) демократизация благотворно воздействует на институциональное строительство, а в странах со слабыми институтами демократизация ведет к их ослаблению и подрывает экономический рост” [Полтерович, Попов, 2007, с. 25]. Сказанное может быть справедливым, хотя и с очень серьезными оговорками, в период индустриализации, требующей массового работника, прежде всего конвейерного типа, для которого главное – технологическая дисциплина, а не творческий подход к труду, необходимость постоянной мобильности, смены видов деятельности и т.п. При переходе к постиндустриальному обществу на передний план выступает именно такой творческий, интеллектуально мобильный работник. Поэтому модернизация с

упором на новые высокие технологии и переходом к постиндустриальному обществу при инструментальном подходе результатов не даст. Свидетельство тому – итоги нашего развития последнего десятилетия: структура экономики за это время лишь ухудшилась, что закономерно отразилось на глубине кризиса.

Необходимость качественного изменения подхода к проблемам модернизации при переходе к постиндустриальной эпохе состоит в том, что для успешного развития новой экономики требуется принципиально иной массовый работник, носитель иного, более сложного человеческого капитала. И если в политической сфере правящим кругам все еще может казаться более удобным и даже технологичным оперирование носителями традиционалистского сознания как легче подверженным политтехнологическим манипуляциям¹, то в экономической сфере и производство инноваций, и их грамотное использование в массовых масштабах диктуют потребность в работниках – носителях сложных личностных качеств, широко мыслящих, способных к быстрому переобучению, выдвигающих многочисленные требования к условиям и своему труду, и отдыха, к возможностям постоянного повышения образования, поддержанию здоровья, комфортному быту, разнообразному досугу и т.п.

При всех успехах развития в советский период системы образования (прежде всего инженерно-технического) элементы социального развития человека были заторможены, и в том, что «касается глубинных принципов социального существования, внутреннего мира, механизмов детерминации поведения, – он остается все тем же пассивным и непритязательным *“человеком для...”*, стандартным винтиком социальной машины» [Вишневский, 1998, с. 178].

Вишневский отметил не только ограниченность осуществленной в СССР *“культурной революции”*, ее заведомую направленность на решение чисто инструментальных задач, таких как рост образования, приобщение к современным техническим и естественно-научным знаниям, распространение бытовой, санитарной и физической культуры и т.п. Он справедливо подчеркивал и тот факт, что *«советская “культурная революция” сопровождалась антиинтеллигентским террором, массовым физическим истреблением носителей европеизированной русской культуры, интеллектуальной и художественной элиты, просто широко образованных людей, подавлением свободы индивидуального научного и художественного творчества, нарастанием мертвящего консервативного догматизма... Застой на “верхних этажах” культуры не мог не сказаться и на ее массовом уровне, на состоянии школьного образования, доверии к знаниям, культурных интересах большинства народа, на самом качестве культуры. В результате саморазвитие даже собственно инструментальной сферы культуры оказалось заблокированным, а итоги инструментальной культурной модернизации – половинчатыми, она осталась незавершенной»* [Вишневский, 1998, с. 179]. С этими словами перекликаются и мысли академика М. Гаспарова, который отмечал, что в советское время *“культура распространяется не вглубь, а вширь, образованность мельчает”* [Гаспаров, 2008, с. 192].

В подобной ситуации оставалась и остается до сих пор благодатная почва для социокультурного традиционализма значительной массы населения (пусть и в *“образованческой”* оболочке). Отсюда – продолжение социокультурного раскола нашего общества, даже позволившего А. Ахиезеру определить российскую цивилизацию как промежуточную, в которой сосуществуют либеральная культура наиболее активной и *“продвинутой”* части населения и традиционная культура широких масс [Ахиезер, 1997–1998]. Более того, тот факт, что вплоть до создания индустриального общества модернизационные рывки мобилизационного типа, основанные на простом перенесении в страну передовых технологических достижений наиболее развитых государств, неизбежно связанные с перенапряжением общества, постепенно привели к *“милита-*

¹ Функциональными, как показывает практика последних лет, признаются не только поддержание традиционалистских тенденций общественного сознания, но и их искусственное стимулирование и поддержка.

ризации повседневного жизненного уклада, то есть выстраиванию *мирной* жизни по *военному* образцу” [Клямкин, 2007, с. 15]. Именно это позволяет говорить об уникальности советского типа государственности, который сегодня нередко рассматривается как идеал.

Такой мобилизационный тип развития покоится на поддерживаемом социально-культурно массовом традиционализме, сознательно закрепляемых в массовом сознании идеях патернализма, представлениях о том, что лишь государство способно решить все проблемы людей. Не случайно усиленная пропаганда подобных идей в средствах массовой информации, прежде всего на телевидении и отнюдь не только в передачах общественно-политической направленности, в 2000-х гг. имела своим результатом существенное ослабление позиций “модернизаторов” во всех слоях общества (о чем речь шла выше). Но такой подход несовместим с современной модернизацией: “...инновационная экономика весьма требовательна к культурной среде. У нас есть опыт масштабных инноваций, наша способность к ним доказана, и это должно вселять уверенность в успехе. Но... массовый поток инноваций, инноваций для рынка, который опирается на соответствующую научную, образовательную и социально-культурную базу, – это переворот, который мы никогда не переживали” [Ясин, Снеговая, 2009, с. 370].

По мнению Е. Ясина, “для России главным методом преодоления культурного барьера на пути к инновационной экономике является демократизация” [Ясин, Снеговая, 2009, с. 376]. Думается, однако, что демократизация должна рассматриваться лишь как часть гораздо более многогранной проблемы преодоления массового социокультурного традиционализма.

Разумеется, сдвиги в культуре – процесс очень сложный и, как правило, длительный. Но нельзя не признать, что общий образовательный уровень российского населения достаточно высок², и при грамотно проводимой культурной политике и сдвигах в общественно-политических приоритетах усилия в этой сфере могут дать достаточно быстрые результаты. Особенно если учесть, что, согласно последним сравнительным межстрановым исследованиям ценностных ориентаций населения, Россия – отнюдь не аутсайдер в Европе по распространенности ценностей, ориентированных на инновации, уверенно располагаясь в группе среднеразвитых европейских стран (см., например, [Лапин, 2009]). Даже то, как быстро изменялись настроения россиян в сторону углубления консервативных, традиционалистских настроений в течение последнего десятилетия, не в последнюю очередь под воздействием пропагандистских инструментов, особенно связанных с телевидением, может служить аргументом в пользу того, что при кардинальном изменении государственной культурной политики соответствующих результатов можно ожидать в достаточно короткие сроки.

И в этом заинтересованы властные элиты, если они искренне провозглашают курс на модернизацию, а значит, на воспитание и создание комфортных условий существования для того “сложного человека” – носителя модернизационных ценностей, о котором рассуждают Д. Дондурей и К. Серебренников в публикуемом диалоге. Ибо без такого “сложного человека”, без создания для него комфортных условий жизни и работы в собственной стране, модернизация в постиндустриальную эпоху невозможна.

В России, по сути, “мера” в соотношении традиционных и либеральных ценностей (а именно “мера”, по Ахиезеру, обуславливает для нас специфическое положение “промежуточной цивилизации”) за XX в. под воздействием модернизационных процессов даже инструментального типа существенно сместилась в сторону ценностей либерального полюса, пусть и поносимых сегодня основными средствами массовой информации. Это, в частности, отмечал и Ахиезер. Призывая не обольщаться уси-

² При межстрановых сравнениях индекса развития человеческого потенциала нахождение России в конце первой группы стран с высоким уровнем человеческого развития (67-е место в рейтинге) оказывается возможным именно благодаря высоким показателям грамотности (10-е место) и охваченности образованием (31-е место). [Нуреев, 2009, с. 365].

нием либеральных настроений, он все же указывал, например, что в 1917 г. в городах Российской империи проживали 18% населения, а критериям урбанизации отвечали всего 3%. К концу века ситуация изменилась: в 1994 г. эти цифры выглядели уже так – 74 и 54%, соответственно [Ахиезер, 2007, с. 148].

Такая динамика свидетельствует о том, что российское общество, пусть с громадным трудом, выходит из-под безраздельного господства традиционализма и обретает, хотя и ограниченную, социокультурную базу для развития массовой либеральной культуры. В этой ситуации безоговорочная ставка как политехнологов, обслуживающих властные структуры, так и государственных менеджеров от культуры, нацеленных исключительно на сиюминутную прибыль, на массовый традиционализм и культурные запросы его носителей, выглядит непродуктивной. Такая политика искусственно тормозит спонтанно идущие в обществе социокультурные процессы, способные лечь в основу модернизации современного типа.

Ведь сейчас уже речь идет хотя и о расколатом обществе, но расколатом существенно по-другому. Новый раскол проходит по иным рубежам, чем это было в первые десятилетия прошлого века. Согласно многим исследованиям 1990-х гг., в структуре российского населения явно выделяются два полюса (примерно по 20–30%), представленных последовательными сторонниками или традиционных, или либеральных, модернизаторских, ценностей. Половина же населения не определилась в своих предпочтениях. Ее представители под воздействием разного рода факторов (условий жизни, политического климата и пропаганды, культурной политики) колеблются, смещаясь то к одному, то к другому полюсу противостояния. И одна из прагматических задач власти, ориентированной на модернизацию, – создание условий для того, чтобы эта основная масса населения “качнулась” в сторону модернизаторского, либерального ценностного полюса.

На этом должна быть сконцентрирована политика государства в сфере массовой культуры, прежде всего связанная с программной политикой подконтрольного ему телевидения как, по сути, главенствующего транслятора культурных символов в массовую среду. Однако роль государства здесь при всех возможностях его влияния даже на политику каналов, находящихся в его собственности, скорее, отрицательна. В данной сфере мы имеем яркий пример того, как в лице менеджмента каналов “рынок” проник “внутрь государства”, подчинил его своим интересам³.

В результате “художественное” вещание основных государственных каналов ориентировано прежде всего на извлечение прибыли, на представления о том, что должно быть востребовано массовой аудиторией. Причем достаточно массовое недовольство зрителей, демонстрируемое в социологических опросах, качеством телевизионных программ говорит о том, что и сами эти представления не точны.

В погоне за “рейтингом” все годы реформ такое вещание делало упор на пропаганде антилиберальных, антимодернизационных ценностей, способствуя их утверждению в сознании не только убежденных традиционалистов, но и “колеблющихся”. Как отмечал Дондурей, “те идеи, которые наше телевидение... внушает своей аудитории, находятся в прямом противоречии с основным вектором идущих у нас преобразований. Можете ли вы, например, ответить на такой вопрос: как проводить буржуазную революцию при систематическом воспитании у нации ненависти к буржуазии? Как осуществлять переход к рынку, когда рынок изображается как исчадие ада, связывается с насаждением чуждой нам морали, отвратительным падением общественных нравов. Это столь же парадоксально, как, например, если бы Сталин, проводя социалистическую модернизацию, одновременно занимался бы пропагандой монархизма. У

³ Взаимоотношение “рынка” и “государства” в современном мире очень сложно и ни в коей мере не предполагает безраздельного господства одного над другим. Но “государство” способно успешно выполнять свою регулирующую, корректирующую, направляющую функцию только в том случае, если оно (в лице действующих от его имени чиновников) не является рыночным игроком. В противном случае общество оказывается перед лицом монополии, основанной на слиянии власти и собственности и действующей в корыстных интересах тех или иных групп, извлекающих выгоду из своего положения.

нас же такая работа идет постоянно, и она способствует сохранению советской власти в сознании миллионов” [Дондурей, Плискевич, 2008, с. 89–90].

Эта искаженная императивами рынка массовой культуры, превратно понятыми как государственными менеджерами от культуры, так и приближенными к власти политехнологами, государственная политика в сфере культуры вызывает озабоченность многих подлинных художников, оказавшихся “не нужными” ни рыночному, ни государственным спонсорам художественного творчества, подробно обсуждается Дондуреём и Серебренниковым. Из этого обсуждения вполне логично вытекает требование переориентации принципов государственной поддержки искусства, выстраивания новой “системы”, параллельной существующей, которая стала бы поддерживать проекты, ориентированные на потребности “сложного человека”, как уже существующего, так и способного к росту в новых условиях.

Потребность создания такой новой “системы” не удивительна. Ведь мы по-прежнему живем в ситуации неотстроенности институтов нового общества, движение к которому было начато в начале 1990-х гг. В сфере культуры эта ситуация ощущается, быть может, особенно болезненно. Потому что тут старые институты государственной поддержки художников, оформленные в виде разнообразных творческих союзов и т.п., либо прекратили свое существование, либо пребывают в глубоком кризисе. Новые же институты, по сути, лишь формируются. Причем существенная часть создаваемой у нас системы государственной поддержки культуры, как уже было сказано, оказалась “испорченной” проникновением “рынка” внутрь “государства”. Это – более широкая проблема, затрагивающая практически все сферы нашей жизни, но в сфере культуры (равно как и науки) она ощущается наиболее болезненно. Напомню, что функции “государства” и “рынка” в области культуры исторически всегда были разделены. При этом и та и другая давали импульс к созданию замечательных культурных ценностей. И если исторически первоначально их заказчиком было исключительно государство, то затем, с появлением массового платежеспособного спроса параллельно с государственными начали развиваться рыночные формы поддержки представителей художественного творчества (подробнее см. [Плискевич, 2003]).

Процессы индустриальной модернизации способствовали резкому расширению сферы массовой культуры. Конвейерный рабочий – прекрасный потребитель и конвейерного массового культурного производства. Однако потребности постиндустриального развития диктуют необходимость изменений и в культурной политике. Расширение важных для государства и общества сфер постиндустриального развития и занятых в ней людей требует особого внимания государства к проблеме удовлетворения культурных потребностей “сложного человека” нового времени. Стремление к внесению соответствующих новым запросам изменений явственно просматривается в культурной политике развитых стран. И в России в сфере патронируемого государством производства культурных ценностей важно начать обратное движение: освобождение государственных форм поддержки культуры от ориентации на критерии рыночного успеха.

Но при этом критерии государственной поддержки, как мне представляется, должны быть достаточно жесткими и ориентированными на основные стратегические цели государства. Если в качестве таковых принимается модернизация, то модернизационным задачам постиндустриальной эпохи и должна быть прежде всего подчинена культурная политика государства. А это значит, что приоритеты должны быть выстроены так, чтобы способствовать формированию комфортных социокультурных условий для тех, кто способен осуществить инновационный прорыв. Причем в ареале этих условий оказываются не только культурные потребности в сфере высокого искусства (сюда входят и авангардные формы всех видов искусств), но и всемерное поощрение соответствующей основным задачам страны массовой культуры.

Попытка поддержания “стабильности” на основе поощрения традиционалистских стереотипов не только противоречит модернизационным целям. В стратегическом плане она еще и опасна. Об этом пишут сегодня многие исследователи. Например,

на опасности социокультурного традиционализма, особенно в условиях назревшей модернизации, указывает Д. Лал. Он, в частности, приводит мнение Д. Сирла, изложенное в его книге “Конструирование социальной реальности”: “Когда институты в значительной степени поддерживаются обычаем (традиционалистскими стереотипами. – Н.П.), они могут рухнуть совершенно внезапно, как бывает, когда люди теряют доверие к своей валюте или перестают признавать свое правительство в качестве такового” (цит. по [Лал, 2007, с. 35]). Наш собственный опыт рубежа 1980–1990-х гг. дает тому яркое подтверждение. Нельзя допустить, чтобы “модернизация” осталась не более чем очередным “волшебным словом”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997–1998.
- Ахиезер А.С.* Территориальная миграция – реализация потребности в полноте бытия // *Общественные науки и современность*. 2007. № 3.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.
- Гаспаров М.Л.* Записи и выписки. М., 2008.
- Дондурей Д.Б., Плискевич Н.М.* Интеллигенция и антилиберальное мифотворчество // *Общественные науки и современность*. 2008. № 6.
- Клямкин И.* Постмилитаристское государство // *Российское государство: вчера, сегодня, завтра*. М., 2007.
- Лал Д.* Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М., 2007.
- Латин Н.И.* Ценности “сохранение–открытость изменениям” и сетевые инновационные институты // *Общественные науки и современность*. 2009. № 5.
- Медведев Д.* Россия, вперед! // *Известия*. 2009. 11 сентября.
- Нуреев Р.М.* Россия: особенности институционального развития. М., 2009.
- Плискевич Н.М.* Пегас мой запряжен в финансовый хомут // *Общественные науки и современность*. 2003. № 4.
- Плискевич Н.М.* “Третий путь”, которым мы уже прошли // *Общественные науки и современность*. 1999. № 6.
- Полтерович В.М., Попов В.В.* Демократизация и экономический рост // *Общественные науки и современность*. 2007. № 2.
- Тихонова Н.Е., Мареева С.В.* Средний класс: теория и реальность. М., 2009.
- Ходорковский М.* Поколение М // *Ведомости*. 2009. 21 октября.
- Ясин Е.Г., Снеговая М.В.* Тектонические сдвиги в мировой экономике: что скажет фактор культуры. Доклад к X Международной научной конференции ГУ-ВШЭ по проблемам развития экономики и общества // *Ясин Е.Г.* Модернизация России. Доклады для 10 конференций. В 2 кн. Кн. 2. М., 2009.